

Юлия Камышева

АНАМЫР

(Сказка-быль)

ВМЕСТО ПРОЛОГА

— Куда сердце лежит, туда и око глядит. Поехали-ка, внучек, быстрее! Подстёгивай лошадей, погоняй! А то с этакой ездой мы засветло не только домой не доберёмся, а даже до переправы. Путь у нас впереди не близок, а время, что водица — прольёшь, не воротишь. Чтобы его впустую не терять, расскажу я тебе историю знатную, давнюю да такую, которую тебе знать надобно. Потому как человек, не ведающий о своих предках, что дерево с подточенным корневищем: постоит, поскрипит и от дуновения ветерка рухнет, не оставив по себе ни вызревших плодов, ни памяти.

* * *

Жила-была в одном селении девушка до того пригожая, что все мужчины на неё заглядывались, и все женщины любовались её красотой. Звали девушку Катерина. Будто солнышко освещала она своей улыбкой всю округу. Мало того, что красива, так

ещё всегда весела и приветлива. Рядом с ней у самого грустного человека поднималось настроение, птицы пели только свои лучшие песни, а самый холодный ветер превращался в ласковый ветерок.

И всё бы хорошо, но была у Катерины подруга Прасковья — девка злая и завистливая. А ведь росла Прасковья в любви да ласке. Баловали её отец и мать, пестовали, ни в чём она отказа не знала. Да только всё не на пользу. Что ни купят любящие родители своему чадушку, что на стол ни поставят — ничем ей не угодишь. Как заведённая твердила Прасковья:

— А у Катьки наряд лучше!

— А в Катькином доме стол богаче!

«Да откуда лучше-то? Кто она? А кто ты? Много ли денег в семье рыбацкой?» — увещал Прасковью отец — местный голова.

Но ничего не желала она слышать. Знай своё талдычила.

Вздыхал отец. Вздыхала мать. Печалились, сокрушались: «Нету сладу со вздорной девкой!»

А Катерина живёт и не знает, откуда беда к ней подбирается. В глаза-то Прасковья улыбается, слова дурного никогда не скажет, ничем не выдаёт, что Катюша ей, словно кость в горле.

Завидовала Прасковья подруге, по-чёрному завидовала. Только и разговоров кругом про то,

какая Катюша красавица да умница! Даже слушать тошно! Как тут не позавидуешь?! Тем более теперь, когда обожаемый Прасковьей Иванко от Катерины ни на шаг не отходит. Подле Катиных окон денно и ночью, будто на посту, стоит. А как узнала Прасковья, что и Катерина отвечает ему взаимностью, совсем взбеленилась. Лютая ненависть вползла змеёй в её сердце и душу, кольцами-обручами тугими сковала. Аж дышать трудно стало! И решила она тогда на дело страшное: подругу свою разлюбезную — Катерину — со свету сжить. Отправилась Прасковья за помощью не к кому-нибудь, а к самой болотной ведьме.

Вышла она ночью никем не замеченная. Днём по таким делам никто не ходит. Пока во тьме брела — страху натерпелась: то леший ей привидится, то водяной, то редкое дерево на ветру так жалобно заскрипит, будто стонет кто-то. У Прасковьи от ужасов тех мороз по коже пробежал, но не свернула она с пути, не струсила. Знать, охота пуще неволи!

Добежала до места желанного, дверь ведьминога дома открыла, через порог шагнула и невольно отшатнулась. Страшен лик болотной ведьмы, да и запах, стоящий в доме, ароматом никак не назовёшь. У ведьмы космы немывтые до самого пола свисают. Крючковатый нос, следом за космами, к полу стремится, вон какой длиннющий

вырос. Брови седые косматые, а зубы редкие, огромные, в рот не помещаются. Запах грязи и гнили витает в воздухе. От такой затхлости с души воротит. Тут кто угодно задумается: войти в дом, али стороной это место обойти?

Но Прасковье отступить некуда. У неё занозой в сердце Иванко сидит, без ведьмы не справиться!

А ведьма болотная и не удивилась вовсе гостье неожиданной.

— Заходи, Прасковьюшка, — говорит, — располагайся! Сейчас чай пить будем!

И откуда только имя знает? Ведь ни разу свидеться не доводилось. Но Прасковья не стала над этим голову ломать: на то она и ведьма, чтобы ведать.

— Не до чаю мне! — отвечает. — За помощью я к тебе пришла. Дай мне, болотная ведьма, такое зелье, которое девку дурную, подругу мою бесценную — Катерину, погубит, вырвет дыхание из её груди. Жизнь мне не мила стала. Любимый мой — Иванко, за неё и в огонь и в воду готов идти, а на меня и не смотрит даже.

— Э! Нет, Прасковья! — покачала головой ведьма. — Зелье смертоносное тебе любая бабка-знахарка выдать сумеет. А коль хочешь, чтобы Иванко твой был, только твой, задам я тебе задачку посложнее. И ты в накладе не останешься, и я развлекусь, потешусь, как следует. Дам я тебе

такое зелье, что душу человека напололам разделить сможет, надвое разложить, на две части — чёрную и белую. Как отведаёт человек этого зелья, то та половина души, что чернее ночи, в теле останется, а лучшая светлая часть обернётся жемчужиной малой, величиной с горошину. И во время сна (ох, как крепок сон после моего зелья!) из уст выпадет. Вот тогда-то жемчужину припрятать, как следует, нужно. Далеко-далеко от второй части увезти. Потому как две части одного целого друг к другу стремятся, тянутся друг к другу с непреодолимой силой. А помешать им может только расстояние и время.

Разъединишь две половины, и станет человек сам на себя не похож. Ты ему слово ласковое скажешь, а он тебе сто поганых в ответ. Человек, в котором чёрная половина души осталась, злом на добро отвечать начнёт. Много пакостей станет делать. И не будет с ним никакого сладу. Смекаешь, Параска?

Прасковья от услышанного глаза выпучила:

— Да возможно ли это? Чтобы вот так?

Ведьма брови насмешливо приподняла:

— Аль сомневаешься? А теперь подумай. Кто после того Катьку красавицей и умницей назовёт? А кто на ней жениться захочет? Уж не Иванко ли?

Ты, главное, жемчужину получше спрячь да подальше. В этом деле глаз да глаз нужен.

Оплошаешь — наплачешься!

За труды свои ничего пока с тебя не возьму...кроме слова. Что как придёт час, так отдашь ты мне, по первому требованию всё, что я пожелаю.

— Даю слово, ведьма! — с жаром сказала Прасковья. — Даю тебе слово верное, десятью замками запечатанное, сургучом залитое да с ключами на океанском дне! А коль отрекусь, то гореть мне в адском пламени!

— Да тебе и так гореть, красавица моя! — засмеялась ведьма. — А слово мне данное ты удержишь. Никуда не денешься!

Ведьма пузырьёк с зельем отдала и спиной к Прасковье повернулась, мол, разговор окончен, а напрасно. Не увидела ведьма того, как Прасковья со стола кольцо умыкнула. Схватила кольцо, которое ведьма опрометчиво без присмотра оставила, и за дверь выскочила. Быстро-быстро по тропинке в селение побежала. В одной руке пузырьёк заветный, в другой — кольцо ведьмино. Ищи её теперь!

* * *

Заря только-только занялась на горизонте. И утренний воздух был особенно влажен, как бывает весной. Над селением стояла обманчивая тишина, будто все досматривают последние сны и встретить

кого-нибудь на улице не представляется возможным. Но Прасковью этим не проймёшь, утренней тишиной не обманешь. Ещё с ночи, загодя, оставила она в кустарнике край болота ведра и теперь шла к колодцу, радуясь своей предусмотрительности. Пусть всего трое знакомцев попало ей на пути, зато ни один не поинтересовался «и куда это она в такую рань идёт?» Ясно же — с ведрами, значит, за водой.

Повернула Прасковья к колодцу, смотрит, а возле колодца Катерина стоит. «Ну, — думает, — на ловца и зверь бежит!»

Катя Прасковью увидала и на встречу заспешила:

— Парашенька! Душенька! Как же я рада, что тебя встретила и не передать! Прямо легче стало! А то хожу сама не своя! Всё мне не то и всё мне не так! Ночью глаз не сомкнула. Так беспокойно! Предчувствие какое-то нахлынуло и не отпускает. Будто беда неминуемая надвигается. Будто недоброе случится, нехорошее!

У Кати взгляд беспокойный, в глазах тревога, по всему видно, тяжело у неё на душе, а всё одно любо на Катерину посмотреть. Такое лицо раз увидишь, сроду не забудешь. Разве встретишь где ещё такую красу? В глаза Кате заглянешь, и не отпустит тебя уже вовек их синь. Взглянешь на тонкий стан — сердце дрогнет, до того хрупкой

кажется Катя, так и хочется её защитить от всех невзгод и превратностей этого мира. Разглядывает Катерину Прасковья и каждый раз волей-неволей с собой равняет. Не то чтобы плоха Прасковья, нет, совсем наоборот. И высокая (на голову выше Катерины), и статная, и лицом вышла. Да слишком уж какая-то земная, что ли? Взгляд карих глаз слишком прямой, слишком гордый. Слишком уверенно вколачивает она свои шаги в землю. Будто молотобоец идёт, а никак не девица. Так твёрдо ступает Прасковья по земле, что не её, а она сама кого хочешь сбережь и защитить сможет. «Разве таких как я любят?» — спрашивает Прасковья у себя самой, и сама себе отвечает: «Нет! Таким как я ничего просто так не даётся! Такие как я сами свою любовь отвоёвывать должны!»

Смотрит Прасковья на Катю с потаённой ненавистью, больше и больше в мыслях распаляется: «Не дам я тебе, Катюша, спуску! Хоть что делай, не отдам тебе Иванка! Всё по-моему выйдет! Попляшешь ты у меня ещё Катька! Как уж на сковородке вертеться будешь! Ни красота, ни хрупкость не помогут!»

А Катерина, простая душа, косу русую тербит, доверяет Прасковье свои тревоги:

— Тут ещё родители на ярмарку засобирались. Я их отговаривать кинулась. Всё же три дня в пути. Мало ли что? А они ни в какую!

Поедем, мол, решили уже! Меня за хозяйством оставляют присматривать. Три дня и две ночи сама буду. Вот я и подумала, может, ты на ночь ко мне придёшь? Или я у вас переночую?

А Прасковье того и надобно. Аж глаза заблестели:

— Катюша! Солнышко! Не беспокойся! Приду к тебе с вечера. Вдвоём завсегда веселее! Когда вдвоём, то и ночь не такая тёмная и мытарства-волнения не такие тревожные! Глядишь, опасения твои как рукой снимет!

* * *

Вечером в доме у Катерины царило необычное оживление. Прасковья хохотала по поводу и без повода. И, глядя на неё, Катя приободрилась, развеселилась:

— Вот гляжу я на тебя, Прасковьюшка, и радуюсь. Спасибо тебе, подруженька, что ты есть в моей жизни! Что поддерживаешь меня, не даёшь в тревожные мысли с головой окунуться!

— Полно, Катюша, меня нахваливать! Тебя, кроме меня, есть кому поддержать в тоскливый час и есть с кем радость разделить в часы веселья! — не сдержав досады, сказала Прасковья.

Катя зарделась вся:

— Что верно, то верно! Есть у меня друг

сердечный! Да только искренняя дружба наша с тобой мне очень дорога. И оттого, что в моей жизни появился Иванко, ценить я её меньше не стала.

От таких слов сжалось сердце в груди Прасковьи, и мысли нечаянные подкрались: «Может, зря я это затеяла? Может, напрасно? Может, всё не так?»

Но тут в окно постучали. Катя шторку отдернула, вспыхнула от радости:

— Иванко!

Иванко шепнул:

— Выйди, солнышко, ко мне ненадолго.

Катя во двор выскочила. Сказала только: «Я скоро!»

Прасковья тут же к окошку прильнула. Раз поговорить с Иванком не получится, раз не удастся в глаза его синие заглянуть, так хотя бы издали полюбоваться на него. Едва-едва Прасковья стала вглядываться в знакомые очертания высокой фигуры, едва смогла разглядеть, что не празднично, не для гуляния одет Иванко, как тотчас Катька из дома вышмыгнула и к Иванку прильнула. Не дала вдоволь наглядеться!

Во тут-то и рассеялись все сомнения. Без следа растворились, словно и не было их. Прасковья вздрогнула, от окна отпрянула. Пузырёк с ведьминым зельем достала и недрогнувшей рукой весь Кате в чай и вылила. Пей, Катюша, пей!

А Катя вернулась скорёхонько. Непокойная, взбудораженная какая-то. К столу, на краешек стула, присела и чашку чаю сразу выпила.

— Что, Катюша, приключилось? Расстроена чем? — спросила Прасковья.

— И горько мне, Парашенька, и радостно. Рада, что Иванка повидала. А печалюсь от того, что ехать ему надо. На дальние пастбища уезжает. Отцу помогать.

— Вот как. А ведь и мне завтра ехать придётся! — сказала Прасковья, — Тётка заболела, а присмотреть за ней некому.

Катя помрачнела:

— Совсем плохо!

— Да не грусти, Катюша! И о тётке сильно не радей! Уж очень любит сородичка моя краски сгустить. Поеду, проверю как она там и сразу домой. Думаю, быстро обернусь! А знаешь что? Ну её — грусть-тоску! Давай лучше нашу споём!

И первая песню затянула:

Хочешь пой, а хошь пляши —

Не сиди одна в тиши.

Окаянна тишина

Скорбных дум она полна...

Только куплет отзвучать успел, а у Катерины глаза сами собой закрылись. Склонила голову

прямо к столу и тут же уснула, сморило её ведьмино зелье.

— Какая красивая! — невольно подумала Прасковья, разглядывая белую жемчужину на своей ладони. Потом подальше жемчужину припрятала, свечу задула да подорожную сумку, стоящую в сенях, взяла и пустилась в дальний путь.

* * *

Ведьма не сразу кольца хватилась, а как поняла, что ночная гостя кольцо с собою утащила, так не сильно забеспокоилась. И не с такими справлялась! Эту только припугнуть стоит — сразу похищенное вернёт. Но прошла неделя, а к неделе ещё один день и ещё одна ночь, а Прасковья не спешила кольцо отдавать. Вот тогда-то болотная ведьма и призадумалась, и пригорюнилась. Недооценила ведьма Прасковьи. Хоть кольцо мощное защитное заклинание оберегает. Хоть и по всему видно, что девка кольцо на палец не надевала, но от этого легче ненамного. В любой момент, как Прасковья страх свой поглубже упрятать сумеет, так и натянет. А вот тогда и поминай как звали болотную ведьму. Растает ведьма, словно туман над болотом в солнечный день. Была одна ведьма, а станет другая! И не вспомнит никто добрым словом, не пожалеет, не

всплакнёт. «Да будет нюни распускать! — одёрнула себя ведьма. — Здесь другой план нужен!» Посидела, подумала и придумала-таки. А как план созрел, так тут же явился и тот, кто его исполнит.

Ведьма улыбку широченную на лицо натянула и дверь пошире распахнула:

— Здравствуй, Иванко! Давно тебя поджидаю! Заходи, заходи! Гостем будешь!

Мрачней тучи ходит Иванко последнее время. Мысли в голову лезут невесёлые, смурные. Да все про Катерину, всё о ней. Что случилось — понять не может. Никак не уразумет: та ли это Катюша, которую он полюбил? Уезжал на дальние пастбища, была одна Катерина, вернулся — другая. Будто подменили человека. Будто не Катя это вовсе, а чёрт в юбке! Такое вытворяет — кровь в жилах стынет! Мало того, что со всей округой переругалась-перессорилась, а кое с кем даже передралась, так вот что ещё удумала — взяла отца и мать из дома выгнала! А как узнала, что Иванко их у себя приютил, стала скандалить, такие бранные слова говорила, которых Иванко отродясь не слыхивал. Тоскливо ему! Тошно!

Думал-думал Иванко и так решил — раз помощи ему ждать больше неоткуда, то нужно пойти, испросить совета у ведьмы болотной. Авось что дельное подскажет. Вот и привела его дорога к ведьминому порогу.

— Знаешь меня? — спросил Иванко ведьму, заходя в дом. — Тогда, может, знаешь, зачем я пришёл?

— Как не знать? Конечно, знаю! — отвечает ведьма. — Любимую свою из беды выручить хочешь. Прежнюю Катерину вернуть.

— Верно, ведьма! А научить, что делать, помочь сможешь?

— Смочь — смогу. Да не за просто так! Услугу окажу тебе великую, но и ты не подведи.

— Слушаю тебя, ведьма!

— Помочь Катерине можно, но сложно. А делать надо вот что. Возьми этот пузырьёк с волшебным зельем да в гости к Прасковье отправляйся. На Катю пожалуйся. Скажи, мол, не знаешь, что и делать с нынешней Катериной. Чайку с Парашкой попей. А во время чаепития, незаметно так, зелье из пузырька хозяйке в чашку вылей. Потом останется дожждаться, когда Парашка уснёт, и забрать две вещи: жемчужину малую, которая у неё изо рта во время сна выкатится и кольцо — весомое зелёное да с выгравированной буквой «В» на внутренней стороне. Может, кольцо и поискать придётся. Хотя, скорее всего, Прасковья его при себе держит. Вот это колечко ты мне из рук в руки и передашь! Ну а если так получится, что ты колечко раньше, чем Прасковья заснёт, заметишь, то немедля отбери, хоть и силой! И

девке этой окаянной скажи, чтобы не смела кольцо на палец надевать, а то удар хватит.

А чтобы ты не сильно сомневался, благое ли дело делаешь, запомни, что она, Парашка — виновница всех ваших с Катериной бед.

— Что-то я тебя, ведьма, не пойму! Сама говорила, будто сложно будет, а тут дел-то на медный грошик! — подметил Иванко.

— А ты не спеши радоваться! — осадил Иванка ведьма. — Самое интересное начнётся, когда ты ко мне с кольцом да с жемчужиной придёшь. Вот тогда-то и научу тебя, как дальше быть да что делать!

* * *

Сотни раз на дню доставала Прасковья кольцо. Сотни раз на дню хотела примерить да только всё без толку. Всё тщетно, как и в первый раз, в то утро подле дома болотной ведьмы. Ужас, чернее, чем самая тёмная ночь, выходил из кольца и сумеречной косматой лапой сжимал Прасковье сердце. От одной мысли о том, чтобы надеть его на палец, кидало в холодный пот и подкашивались ноги. Воздух вокруг становился густым вязким, а мир начинал уплывать, сужаться до одной малой точки. Прасковья быстро прятала кольцо, крестилась, плевала через левое плечо. Но через

короткое время снова доставала. Тянуло Прасковью к кольцу непреодолимо. Сотый раз на дню смотрела Прасковья на него и сотый раз думала: «Ох, дурёха я! Дурёха! И почто кольцо схватила? Далось оно мне! И что делать-то с ним не знаю. Даже примерить не могу. И вернуть бы рада, да только боязно мне теперь ведьме болотной на глаза показаться! Не спустит она мне этого! Как пить дать не спустит, не простит. Ой леле, леле!»

Казалось Прасковье, что больше страху, чем есть, быть не может, но она ошибалась. Дальше — хуже!

Как вернулась Прасковья домой после содеянного с Катериной, так повадились к ней гости ночные. Каждую ночь гость ужасный, а в иную и по несколько. В окна стучат. В дверь барабанят, когтями скребут. Голосами замогильными просят, настаивают, приказывают:

— Впусти!

— Отопри дверь немедля, Прасковья!

— Окно отвори!

— Кольцо! Отдай кольцо!

Такие страсти на Прасковью нагоняют, что описать невозможно! И ни матушка, ни батюшка не слышат голосов тех, гостей за окошками не видят. Только Прасковью они будят, только на неё морок наводят, только ей спать не дают. От жути той да от бессонных ночей сделалась она сама не своя.

Почернела вся. Лицо осунулось. Волосы поседели. За краткий срок годов на десять постарела. Ночью не спит. Днём как чумная бродит. Ходит-бродит, что-то под нос себе бормочет — смотреть жалко!

А в одну из ночей не выдержала Прасковья, отворила дверь чудищу, ведьмой подосланному! Отворила, потому что устала бороться, бояться устала. Подумала: «Нет больше моих сил! Отдам кольцо! Авось отстанет от меня болотная ведьма!» Но как чудище в дом вошло и вплотную к Прасковье подобралось, то одумалась. Руку, в которой кольцо уж было протянула, отдернула. Кольцо к груди прижала. Глаза от страха зажмурила и давай «Пресвятую Богородицу» читать да крестным знаменем себя осенять. Думала, последний час пришёл. Но чудище потопталось-потопталось, а подойти не сумело. Вот тогда Прасковья смекнула, что кольцо-то её оберегает, защищает от нечисти поганой, и вздохнула чуть свободней, повеселела. Даже с утра калачи затеяла.

Калачёвый дух окутал собой кухню, сени и вырвался на улицу, зазывая гостей. И такое настроение подарил Прасковье, что, вынимая калачи из печи, стала она песню напевать:

В нашем домике, в печи
Дозревают калачи: